

Сознаюсь, я шла на встречу с одним из первых в Москве Народным учителем России, кавалером орденов «Трудового Красного Знамени» и «Почета», высшей общественной награды России – Золотого Почетного знака «Общественное признание», лауреатом премии мэрии г. Москвы в области образования, председателем Большого жюри Московского и членом жюри Российского конкурса «Учитель года», членом Совета старейшин при мэрии г. Москвы М.А. КОМЛЕВОЙ с глубоким личным интересом. Имя Марии Андреевны мне знакомо с детства. О ней, вернее об ее 199-й школе, одной из первых школ «с биологическим уклоном», тогда ходили легенды. Действительно, обычная средняя школа, с которой с удовольствием сотрудничали светила отечественной науки: директор Института космических исследований РАН академик Сагдеев, академики Овчинников, Валиев, Дубинин. Уже тогда, в середине 70-х, в 199-й был, словно в ВУЗ, конкурс при поступлении... В чем секрет подобного успеха? Ответ на этот вопрос мне дала сама Мария Андреевна.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДИРЕКТОР

«Нам необыкновенно повезло. Наш район всегда был знаменит тем, что там располагались самые лучшие в мире научно-исследовательские институты, разработки которых реально были «впереди планеты всей». Николай Петрович Дубинин, академик Юрий Анатольевич Овчинников – все эти люди постоянно помогали нашей школе. А добились мы этого довольно просто. У нас работал удивительный, к сожалению, рано умерший учитель биологии Борис Алексеевич Миркулов – «БАМ», как называли его ребята. И он, так же как и я, как и остальные учителя прекрасно видел, как тесны для детей рамки традиционного «от и до» стандартного образования. Надо было искать новые решения. И что же мы сделали? Да просто оглянулись вокруг и поняли, какое невосстребованное интеллектуальное богатство нас окружает. Оставалось лишь его взять, протянуть первыми руку. И вот мы вместе с БАМом пошли к академику Овчинникову и сказали: «Юрий Анатольевич, мы вас не подведем! Мы вас даже

прославим! У нас такие дети! Помогите нам организовать их участие в научно-исследовательской, экспериментальной работе». И он прислал своих аспирантов, которые у нас стали вести кружки и факультативы. Потом нам оказали поддержку и другие академики.

В результате выиграли дети. Сейчас наших учеников много в самых разных университетах мира: и в Дейтройе, и в Сорбонне, и в Кембридже... Правда сегодняшнее положение научной интеллигенции у нас крайне тяжелое, но я часто говорю ребятам: есть возможность, конечно, поезжайте, поучитесь, обогатитесь знаниями, у вас будет языковая среда, но обязательно возвращайтесь. Пока вернулся только один Андрей Быстрицкий. Он работает в Институте молекулярной биологии, получая при этом очень скромную зарплату. У многих наших учителей она гораздо выше, за счет того, что они имеют гранты Сореса, премии московской мэрии...

Я очень переживаю за Институт биоорганической химии имени Ю.А. Шемакина-Овчинникова. Еще при жизни Юрия Анатольевича, он был тогда вице-президентом Российской академии наук и курировал группу НИИ биологического профиля, там была создана замечательная база, мощнейший коллектив. А сейчас? Пустые коридоры... Я была участницей симпозиума «Гражданское общество и безопасность России», организованного Независимой организацией «Гражданское общество» и МГИМО(У) МИД РФ, так вот, на мой взгляд, безопасность России сегодня подрывается тем, что мы готовим за свои, притом хорошие деньги, научные кадры для всего мира.

Это прекрасно понимает и Президент. Перед заседанием Госсовета по вопросам безопасности Владимир Владимирович пригласил в Кремль небольшую группу педагогов. В том числе и меня. Среди приглашенных тогда был и Виктор Антонович Садовничий, не только как ректор МГУ, но и как председатель ректоров российских ВУЗов, и бывший заместитель министра обороны, депутат Андрей Кокошин. Беседа получилась очень интересной и полезной. Особенно мне запомнилась министр образования Карелии. Ее волновала судьба сельской школы. Она говорила о том, что закрывать школу в селе, даже если там учится 5–6 человек, нельзя. Закрывается школа – погибнет село. Она выдвинула тезис о том, что деревенские школы должны работать еще и во вторую смену, чтобы оставшаяся молодежь могла приобщаться к дедовским ремеслам. Она с сожалением говорила: «Избу срубить некому, русскую печь сложить некому».

Несколько лет назад я побывала за границей, в Нешской коммуне (название района в Швеции). И там меня потрясли производственные школьные мастерские, где и краснодеревщики готовят, и портных, и мастеров швейного дела, а во второй половине дня переучиваются, доучиваются и взрослые люди, получая новую специальность.

На встрече с Владимиром Владимировичем в результате обсуждения все пришли к мысли, что, в первую очередь, корректировки требует содержание образования. Ведь последний системный пересмотр содержания образования был в 1964 году. А за сорок лет наука, общественное сознание, при всех современных трудностях, все равно ушли вперед, и содержание школьных программ требует основательной переработки. Но если все это механически вносить в курс обучения, обязательно возникнет дикая перегрузка. Есть проблемы и с кадрами учителей. Педагоги сейчас слишком заняты, они первым делом стараются обеспечить свои семьи и не всегда способны уследить за новинками в области знаний. «Поэтому, – считает Мария Андреевна, – нашим обычным средним школам необходимо установить контакты с научно-исследовательскими институтами, работающими, как говорили раньше, «на переднем крае науки». Тут-то как раз и может оказаться полезным сорокалетний опыт 199-й школы по созданию таких связей».

Что же помогло Комлевой состояться в жизни? Как она в довольно сложное и, как мы сейчас понимаем, отнюдь не самое благоприятное для свободного педагогического творчества время плодотворно и успешно реализовывала свои проекты, продвигала новые идеи, привлекая лучших ученых, шаг за шагом создавая собственную, совершенно уникальную школу? Почему именно она смогла сделать то, чего не смогли другие? Что помогало ей не скатиться до унылого шаблона средненького руководителя?

Из разговора с Марией Андреевной я поняла – очень важно, что ее удивительный азарт, ее неисчерпаемая энергия опиралась на полную и мудрую поддержку дома. Муж Марии Андреевны – Александр Павлович Комлев был не просто хорошим человеком, не только яркой, уникальной личностью. Вот как говорит о нем сама Мария Андреевна: «Про Александра должен идти особый разговор. Именно ему я обязана тем, что состоялась»...

Каким же он был, Александр Комлев, человек, которому Мария Андреевна обязана своим успехом? Вот один только штрих. В 60–70-е годы он руководил Всесоюзным объединением Минмолпрома СССР. В его обязанности входило в том числе и строительство новых уникальных предприятий отрасли. В то время как раз создавались площадки для строительства новых заво-

дов по всему Советскому Союзу. Среди объектов строительства были и Прилуки – небольшой городок на Украине. И Александр Павлович Комлев тогда твердо и честно сказал: «Перед Прилуками я в величайшем долгу. Отступая в 1941 году, мы взрывали все, что можно было взорвать: водонапорные башни, железнодорожные пути, вокзал»... И свой долг перед разрушенным городом Комлев, как мог, выполнил. Сейчас в Прилуках работает прекрасный завод, выпускающий «белкозин» – белковую оболочку для колбасных изделий, медицинских препаратов. Тысячи прилуковцев имеют там достойную и хорошо оплачиваемую работу.

Но не даром говорится, посеешь характер – пожнешь судьбу. И никто на свете, никакой самый замечательный муж не смог бы ничего сделать, если бы сама Мария Андреевна не оказалась от природы удивительно ярким и активным человеком.

Немного биографии: Мария родилась в семье военного. Окончила школу № 9 г. Шадринска. Шадринск – Зауралье. Ворота Сибири. Город со старинными культурными традициями. Знаменит тем, что еще в XIX веке туда было сослано много декабристов. Все раннее детство Марии прошло среди дивной природы, на берегах тогда чистой реки Исети, притока Табола. Отец Марии Андреевны, Андрей Федорович Емшанов, был кадровым офицером. В 1941 году ушел на фронт. Попал в «мясорубку» под Ржевом, где был тяжело ранен, но продолжал воевать. В 1945 году брал Штеттин. В мае этого же года его тяжело контузило. Домой он вернулся героем. И это было замечательно. Ведь так важно для детей иметь перед собой пример отца, которым можно гордиться.

«Еще мне очень повезло со школой, – вспоминает Мария Андреевна, – там тогда были такие учителя! Необыкновенные! Ефросиния Александровна Фролова – учительница литературы, Викторин Павлович Бирюков – учитель химии, Зинаида Алексеевна Вологодская – преподаватель физики и астрономии. А Анастасия Петровна Хомякова – наша учительница математики! Не скажу, что математика для меня была легким предметом, но я у нее все всегда понимала. И сдавала все на пятерки.

**С мужем
во время отпуска
в Кисловодске**

А Надежда Борисовна Семенова – директор школы! Она преподавала у нас географию. А Дмитрий Петрович Курочкин – учитель физкультуры! У меня со спортом дела обстояли неважно. Ну не спортивный я человек, но, помню, мне надо было пробежать три километра. Лыжня пролежала в лесу. Я сказала: «Дмитрий Петрович, я не могу!» А тогда только что кончилась война, шел 49-й год, Дмитрий Петрович – солдат Великой Отечественной, он твердо усвоил, что если поставлена задача, ее надо выполнить! В мое время было модно давать иностранные имена, и я по паспорту – Матильда. Мида. И Дмитрий Петрович тогда сказал: «Мида, ты обязана преодолеть эту дистанцию». Мне казалось, что без лыж легче пройти, что они только мешают. Встала, провалилась, девчонки меня ругают... Но я смогла. Я прошла. И этот опыт преодоления себя стал очень важным в моей жизни.

Но и, конечно я, как многие, в юности мечтала. Мечтала об Уральском университете. Хотела быть юристом. Но судьба сложилась иначе. Мама сказала: «Дочка, отец плохо себя чувствует, он ограничен в движении, мне без тебя не справиться». И я осталась в Шадринске. Поступила в Пединститут. Вскоре Шадринск ввели в состав Курганской области и мой педагогический институт перевели в Курган, где у меня не было никаких родственников, никого... И я поехала в Пермь, потому что там была возможность жить у родни на квартире».

В 1953 году Мария Андреевна окончила с отличием институт и получила распределение в Шадринск. Стала работать в школе рабочей молодежи. Детей тогда было мало, многих молодых людей унесла война... и двадцатилетняя девочка оказалась учителем людей, часть из которых годилась ей в отцы. «Захожу в класс – а там майоры, полковники». После Великой Отечественной многие ветераны спешили завершить свое, прерванное войной, образование. Но Мария рвалась учить ребятшек. А тогда как раз был призыв комсомола к молодым врачам, учителям идти работать на село. И Марии Андреевне предложили: «Езжай, работай. Мы тебя можем даже директором направить»...

Так Матильда Емшанова в 23 года стала директором семилетней школы в селе Житниково Чашинского района Курганской области. «Школа размещалась в четырех зданиях, – рассказывает Мария Андреевна, – самое большое – поповский дом. Но какие там были педагоги! Рядом со мной работала завуч – Агния Алексеевна Пантелеева. Ее муж был директор детского дома. И у нас целые классы были детдомовские. Вообще Евгений Степанович Пантелеев достоин отдельного рассказа. Это был человек необыкновенный, преданный своему делу. Кстати, его сын Олежка теперь представляет Курганскую область в Совете Федерации»...

Тогда, работая в Житниково, молодая учительница поняла, что Россия стоит на сельской интеллигенции. Врач, учитель – это именно те люди, которые шли в деревню по призванию, служить простым людям. Часть специалистов были выходцами из села. Но, окончив институт, они возвращались на свою малую родину. И там, вопреки всему, порой терпя гонения и репрессии, несли свет добра и правды деревенским ребятишкам.

«Село, как я уже говорила, – продолжает Комлева, – называлось Житниково, а там учителем русского языка и литературы работал местный житель Агап Васильевич Житников. Нина Мартыновна, его жена, вела немецкий язык и рисование. Очень интеллигентная была семья. Про Агапа Васильевича тихонько рассказывали, что он «сидел за Есенина». Такой тогда был период нашей истории»...

Судя по всему, Мария Комлева всегда была лидером. И роли директора для нее было недостаточно. Вскоре она возглавила районное отделение Всесоюзного общества «Знание». Однажды ее послали в Москву на заседание правления президиума этого общества. Ехала вместе с Яковом Давыдовичем Витебским – талантливейшим хирургом, светилом в своем деле. «Я должна была рассказать о деятельности правления Чашинского района, – вспоминает Мария Андреевна. – Заседание

**Первый класс
А.К. Спиридоновой.
Май 1957 г.
Большинство
учеников –
воспитанники
Детского дома в
селе Житниково**

возглавлял академик Иван Иванович Артоболовский. Он очень внимательно следил за регламентом: «У вас три минуты на общение». Я вышла, стою на трибуне, все шушукаются. У меня учительская привычка, я не могу говорить, когда меня не слушают. Они шумят, я стою, они продолжают разговаривать, я молчу. Но вскоре зал с удивлением затих: «чего это она стоит и не выступает?». Тогда я при полной тишине громко сказала: «Я из села, которое принято в народе называть глубинкой...». Судя по всему, выступила Мария Андреевна тогда очень удачно. «Во всяком случае, когда я сказала, что у меня заканчивается время, а рассказывать еще можно довольно долго, со всех сторон закричали: «Продолжайте, продолжайте, нам интересно!».

В то время в Житникове был заброшенный барак. И Мария решила, что если сделать ремонт, его можно использовать под школьные мастерские. Но средств на все это не было. И тогда она поехала в Курган за поддержкой. Встала ни свет ни заря, добиралась на грузовом поезде. А тогда народным депутатом был Александр Павлович Комлев. С вокзала Мария пошла в облизполком. Но Александр Павлович, как назло, целый день просидел на бюро обкома партии. И лишь вечером Мария Андреевна попала к нему в кабинет. И начала свою речь так: «Александр Павлович, я – одна из ваших многочисленных избирателей и просителей...». А он вместо того, чтобы самому вникнуть в суть дела, взял и пригласил своего помощника – заведующего сектором материальных фондов, бросив ему на ходу: «Займитесь товарищем».

«Я не мытая, не причесанная, с ночи добиралась, боялась отойти от двери кабинета, а тут меня пытаются спровадить, – и сейчас волнуется Мария Андреевна. – Я встала и говорю: «Александр Павлович, если вы не можете ничего решить, то я знаю куда идти». А напротив стояло здание обкома партии. Тут, в свою очередь, Комлев возмутился: «Кому мы доверяем школы! Как вы себя ведете. Вы что воевали?»... Мне так стыдно стало перед этим человеком! Я знала, что он был на фронте, его ранило, он поборол туберкулез и вернулся в строй, потом учился... Я слезно попросила прощения. И тогда Комлев мне сказал: «Вы совершенно правы. Запомните, еще в царской России учителям, врачам, школам и больницам люди считали за честь помогать всем, чем только возможно. Поэтому открывайте дверь ногой к любому начальнику. Ваше дело правое...».

Так постепенно, шаг за шагом, как и полагается в настоящем служебном романе, Мария Андреевна и Александр Павлович поняли, что не могут жить друг без друга. В результате через несколько лет Александр Комлев женился на Марии Андреевне. Это была счастливая семья. Но они не замкнулись в собственном мире и каждый день, каждый миг ощущали избранность своего дела. Учительство для них было больше, чем профессия. Они относились к ней, как к некой особой миссии.

С народным учителем СССР, почетным гражданином г. Москвы Л.И. Мильграмом

С вице-мэром П.Н. Аксеновым

Когда Александра Павловича перевели на работу в Москву, с ним поехала и Мария Андреевна. Приехав, сразу начала искать работу. Ей предложили пойти директором школы. «И вот в 1966 году я приняла 102-ю школу, в которой был 101 неуспевающий, 1000 проблем и учились дети, оказавшиеся ненужными ни в одной другой школе».

А на первом же педсовете Мария сказала: «Я хочу задать вам один вопрос: чем урок физики или математики в московской школе в районе, где расположено немало научных центров столицы отличается от аналогичных уроков, скажем, в Понкинской МТС Курганской области? И сама же дала на него ответ: вокруг живут директора, академики, доктора наук, а мы не используем такие возможности. Это же преступление!». И началось налаживание контактов, в результате чего 102-я школа стала стремительно развиваться.

Но прошло время, и Марию Андреевну ее коллеги – директора других школ, уговорили пойти работать в РОНО Севастопольского района. «Хотим, чтобы у нас был порядочный и умный руководитель». Но чиновничья служба оказалась совсем не для нее. Хотелось живого дела, работы с детьми. И тогда она приняла 199-ю школу. Ей понадобилось почти 25 лет, чтобы 199-я стала тем, чем она является теперь. «Это не школа, а остров сокровищ. А главные наши сокровища – удивительные педагоги». О своих учителях Мария Андреевна может говорить сутками. «Работающие, талантливые, штучный товар. У нас девять заслуженных учителей РФ, семь учителей имеют гранты Фонда Сороса. Наши дети, как правило, сразу поступают в выбранные ими институты».

...Я долго сидела в уютном, со вкусом обставленном кабинете, слушала рассказ Марии Андреевны, и все время ловила себя на том, что все-таки не могу до конца понять, как она, человек, чьи убеждения, чей жизненный опыт сложились совсем при иных, отличных от сегодняшних обстоятельствах, смогла так гладко вписаться в реалии современного мира. И вот как она мне это объяснила: «У Джека Уэлча, топ-менеджера компании «Дженерал Электрик» есть книга – «31 условие лидерства в XXI веке». Я вообще-то скептически отношусь к советам типа советов

Карнеги, но, понимаете, читая Уэлча, я поняла, что, как и он, я по натуре деловой лидер. Это – мое личное свойство. А в настоящий момент лидер может себя проявить в полной мере, то есть наконец-то пришло время социально активных людей, способных рисковать, творить, выдавать идеи. Я бы даже сказала авантюристов в самом прекрасном смысле этого слова, тех, кто не боится взять на свои плечи ответственность за нестандартное решение различных вопросов. И еще... я свято верю, что Россия, как великая держава, обязательно встанет на ноги. И я очень надеюсь, что завтра и мои ученики будут ее обустроить».

Елена ГРИГОРЬЕВА